

ОЛЕТНЫЙ танец Михаила Барышникова удивил меня задолго до конкурса. Я видела его в искрящихся концертных номерах, поражалась, когда он, едва-едва касаясь сцены, парил в балете «Горянка»,

являя собой воплощенную юность и счастье первой любви, как дивно ожидал вдруг, одновременно храня таинственность и недоступность языческого божества, его золотой идол из «Баддерки». Но я не представляла себе, что двадцатилетний юноша может на моих глазах превратиться в разбитого параличом старика, что своими турами и пируэтками он может рассказать о нем самое сокровенное: старый балетмейстер, в свой последний час забытый людьми, мыслит только о том, что успел он сделать в балете, что дал он своей жизнью неизменно прекрасному искусству танца. Какой высокий, какой человеческий образ! И какое торжество русской балетной школы!

Сколько же «восьмых» надо иметь «под водой», чтобы в небольшом балетном номере отырылась зрителю целая человеческая жизнь?! Эти «восьмые» наплены для Михаила Барышникова, для всех, кто стал победителем конкурса балета, целыми поколениями танцовщиков. Отбор шел веками, десятилетиями, годами, эпохами и событиями.

Процесс этот бесконечен, как бесконечна сама жизнь. Время откристаллизовало свои жесткие и непреложные условия: истинно и непреходяще только человеческое, во всей его сложности, многогранности, во всем богатстве духовного мира. И неважно, в какой формой — рожденной ли детским воображением принцессы или невесты, пробудившейся от вечного сна в лунную ночь, — одета балерина: она мыслит на сцене категориями сегодняшнего дня.

Вот эту способность мыслить на сцене категориями сегодняшнего дня блистательно продемонстрировали все 27 финалистов только что закончившегося Международного балетного конкурса в Москве.

Нет, не распалась связь времен. Классика была, есть и останется неизменно тем волшебным ключом и постижением высокой искусства психологического танца, танца-образа, танца-характера.

Безукоризненное владение этим чудодийным инструментом отличает всех, кто, получив призы турнира в честь Терпсихоры, сейчас выступает или готовится выступать в послеконкурсных концертах на сценах Ленинграда и Риги. Не зря же все 27 отмечены жюри теми или иными наградами. Соединение классики, ее возвышенность, чистота линий, строгость форм и экспрессии современной хореографической лексики, часто с элементами народного танца дали тот удивительный синтез, который позволяет говорить: для балета нет невозможного.

Не подлежит сомнению страстная публицистичность хореографической поэмы «Мир и война» (балетмейстеры Н. Касаткина и В. Васильев) в исполнении Нины Сорокиной и Юрия Владимировича Широкого, расквашенный, скульптурный танец этого «золотого» дуэта очень импонирует дыханию и эмоциям сегодняшнего дня.

Верность лучшим традициям французской балетной школы, а по существу высокой классике покоряет в другой паре первых призеров — Фран-

Председатель жюри Галина УЛАНОВА вручает золотую медаль и диплом первой степени Михаилу БАРЫШНИКОВУ (СССР).

ческе Зюмбо и Патрисе Барте. Гармоничность дуэта, кантиленность танца — и все это при высочайшем артистизме и безукоризненном владении техникой. Но средства эти, блистательные сами по себе, подчинены одному — детальному раскрытию характера, выявлению его философского содержания.

Философия нашего напряженного века не могла не найти своего преломления в таком чутком искусстве, как искусство балета. А чуткость его еще раз подтвердили и балетмейстерские работы, показанные на конкурсе, и танцовка извечных классических образов.

Поражает смелость танца кубинской балерины Лойпы Араухо. Казалось бы, все «оттанцовано» в живущем вот уже 113 лет балете Адама «Корсар». Но молодой тандемчике Малине Сабировой, чей танец соткан из лучей тепла и женственности, полон светлого созерцания душевной гармонии и радости открытия мира, удалось найти для него новые, современные краски. А как целомудренна, как трогательно ее Хлоя из балета Равеля!

Или Хелги Томассон, танцовщица из США, завоевавшая вторую премию среди солистов. Чудо, как обаятелен и как современен, как близок нам его Ромео (постановка Нормана Вонера на музыку Берлиоза)! И даже поэтичнейшая Жизель, в чей безмятежный мир вместе с изменой любимого ворвались сегодня тревоги и страсти XX века, в исполнении Евы Евдокимовой (США) при всей прозрачности танца обретает стойкость и непрклонность, свойственные человеку наших дней.

Итак, тенденции ясны. Светлый родник жизненной щедрости классического балета, при всех различиях национальных школ, многолик и прекрасен во всех своих проявлениях. Он — источник бессмертия великого наследия и преемственной связи времен и поколений. Воздействие его подобно воздействию высочайшей поэзии. Возможности — безграничны, как безграничен в человеке потенциал мысли, добра и света.

Людмила БОНДИНА